

УДК 248.12+003

«Святой старец Григорий новый»: категориальная семиотика образа

А. М. Прилуцкий

*Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург*

Аннотация. Анализируется специфика семиотической структуры образа Григория Распутина, который, несмотря на жесткую критику со стороны иерархов Русской православной церкви, является культовой фигурой для многих маргинальных направлений православной культуры. Автор, используя методы категориальной семиотики, выделяет три уровня значений образа Распутина – категориальный, субкатегориальный и гиперкатегориальный. На категориальном уровне формируются базовые концепты, раскрывающие «святость» Распутина, что позволяет adeptам соотносить его с различными каноническими чинами святости. Для данного уровня характерен подчеркнутый семантический и стилистический традиционализм. На субкатегориальном уровне осуществляется попытка согласовать образ «исторического Распутина» с общепринятым каноном святости. Гиперкатегориальный уровень позволяет включить распутинский миф в монархический и квазибиблейский дискурсы.

Ключевые слова: Григорий Распутин, маргинальное православие, агиография, категориальная семиотика, семиотическая мимикрия.

Образ Григория Ефимовича Распутина (Новых) (1869–1916), крестьянина, выходящего из Тобольской губернии, сделавшего головокружительную «карьеру»¹ при дворе последнего императора, прочно вошел в семиосферу современного маргинального православия. Есть сторонники почитания Распутина и среди приверженцев Русской православной церкви Московского патриархата, что вызывает озабоченность православных иерархов [15]. Культ Распутина преимущественно распространен среди тех, кто именует себя «православными монархистами». Интересно, что последние с особой нелюбовью отзываются о деятельности Госдумы и родственниках императора, что созвучно с позицией исторического Распутина: он тоже боялся Думы и великих князей как главных врагов Николая II [4, с. 37].

Возможно, что одной из причин популярности культа Распутина является его совместимость с идеологемами монархического патернализма – император, покровительствующий простому мужику, символически соотносится с заботливым отцом, который не оставляет своим попечением нужды «своих детей» –

¹ И это притом, что никаких сколько-нибудь значительных придворных должностей он никогда не занимал.

не случайно сам Распутин называл императора «папа» [3, с. 23]. При структурном подходе к анализу распутинского мифа становится очевидным, что последний не существует автономно, он, скорее, является субдискурсом монархической мифологии и в этом отношении семиотически фундируется образом Николая II – фундаментальной фигуры всего радикального псевдоправославного монархического мифотворчества [см. 14]. При этом источники говорят о том, что отношение Николая II к Распутину вовсе не было однозначным и некритичным, и коль скоро император готов был пусть и на метафорическом уровне соотнести Распутина с так называемыми темными силами, то вряд ли он в реальности верил в его святость [10, с. 56].

В любом случае наше исследование посвящено вопросам не святости, но почитания Распутина, специфическим особенностям его ритуалосферы, которая начинает складываться уже при жизни «старца» в результате жесткого противостояния «распутинцев» и «антираспутинцев» [8, с. 76]. Как будет показано далее, культ Распутина отличается сложной семантикой и семиотикой, изучение которой позволяет выявить некоторые закономерности современной религиозной (квазирелигиозной) мифологизации исторических личностей [см. 9], формирующей своего рода «агиографический миф», явление тоже еще не изученное. Поэтому анализ распутинского литургического и агиографического дискурсов позволяет выявить некоторые тенденции развития православной семиосферы, отличающейся наличием сложных, зачастую разнонаправленных процессов, в которой формируются, в том числе, альтернативные, т. е. конкурентные дискурсы [13, с. 83].

Анализ форм и способов интерпретации образа Г. Е. Распутина в литургическом и агиографическом дискурсах позволяет сделать предварительный вывод о том, что в современной православной семиосфере представлена разноуровневая типология данной интерпретации, формы которой могут быть сведены к трем уровням, а именно к субкатегориальному, категориальному и гиперкатегориальному уровням семиотического осмысления распутинских мифологем.

Категориальный уровень семиотики образа Распутина может быть определен как «святая Григорий», именно на этом уровне семиотического моделирования формируются базовые компоненты распутинской ритуалосферы. На категориальном уровне интерпретации образа Распутина формируется представление о соответствии жизни и смерти Г. Е. Распутина православным критериям святости, а семиотические приемы, используемые для формирования концептов данного смыслового уровня, носят подчеркнуто традиционный и традиционалистский характер, что вовсе не исключает их фактического модернизма [6]. Обращение к традиционной метафорике акафистов прославленных святых формирует своего рода стилистическую приемлемость распутинской ритуалосферы для восприятия православными верующими, поскольку акафисты и другие литургические тексты «распутинского цикла» семиотически ориентированы на бесспорные каноничные образцы православной молитвы. Эту функцию выполняют узнаваемые метафорические заимствования в акафистах,

посвященных Распутину [1; 2], типа «образе кротости и смирения»², «адамантизм»³, «козни вражие молитвой разрушающий»⁴ и т. п., которые формируют на стилистическом уровне представление о «традиционности» и «каноничности» всего текста. При этом святость Г. Распутина провозглашается при помощи метафор различного типа.

Онтологические метафоры формируют традиционный семиотический locus, в котором «верх», соответственно «восхождение» обозначает приближение к Богу, а «низ» – беды и гибель. Распутин прославляется как «к небесному Иерусалиму сердцем устремленный» (вектор метафоро-аллегорического движения снизу вверх), в то время как его враги «пали яко скоты» [1]. Стоит отметить, что метафоры движения в распутинском дискурсе иногда вступают во взаимодействие, образуя семиотические цепочки. Так, приближение к бездне семиотически соотносится с «кораблем, который не может противостоять урагану» – «Бурею злобы и неверия гонимый в житейском море корабль Державы Российской к бездне погибели изрядно приблизишася» [1]. Формируется семантическое поле, интегральным семантическим концептом которого является «движение в бездну». Таким образом, благодаря семиотическому распространению *метафора* бездны трансформируется в *аллегория* «падение в бездну государства».

Другие метафоры движения, задействованные на категориальном уровне смысла распутинской ритуалосферы, семиотически амбивалентны – они могут выражать «положительные концепты» – удаление в духовное пустынножителство («радуясь, в пустыню сердца духом удаливыйся»), водительствоемое Богом удаление от греха (аллегорический аналог библейского Исхода – «изведоша ты, (Бог) яко нового Моисея, из египетского плена греха») [1]. Могут они обозначать и концепты «нехорошие», например нашествие бури (метафорически обозначающее нападение «врагов»). Данная метафора имплицитно включает в себя в качестве интегративного компонента смысла ‘приближение’, ‘движение от условной периферии к условному же центру’, т. е. это особое движение, направленное к семантическому ядру мифологемы, которым в данном случае является сам «старец» – «Бури нашедшей жидовских наваждений уклонився в юродство крестное» [2]. Интересно, что данная метафора движения действительно распространяется до онтологической аллегии – одно движение «нашествующая буря» мотивирует другое – «уклонение» в юродство. Это «уклонение» тоже амбивалентно – почитаемый старец «уклоняется от бури», т. е. избегает ее пагубного воздействия, при этом он уклоняется не просто «в сторону», но «в юродство». Последнее понимается как особый духовный путь, на который нужно «целенаправленно свернуть» (иначе это будет не «по-

² Фиксируется в акафистах святым Серафиму Саровскому, Корнилию Александровскому, князю Игорю Черниговскому, Иоанну Кронштадтскому и др.

³ Фиксируется в акафистах святым Георгию Победоносцу, Иову Почаевскому, Иоанну Воину и др.

⁴ Фиксируется в акафистах Казанской иконе Пресвятой Богородицы, св. Великомученику Мине и др.

двиг юродства», но банальное сумасшествие) и который может нейтрализовать пагубное воздействие «бури». Последней, очевидно, придается эсхатологическое значение.

Задействуются на категориальном уровне и метафоры субстанции. Они достаточно традиционны, что тоже подтверждает наш тезис о том, что задача категориального уровня семиотики распутинской ритуалосферы состоит не в раскрытии экстравагантных мифологем и теологем (что может оттолкнуть православного традиционалиста), но в запуске механизмов семиотической мимикрии, маскирующих каноническую сомнительность почитания Г. Е. Распутина путем соотнесения его образа с агиологически безупречными образцами святости. Это такие метафоры, как «венеч нетленный», «огненный ревнитель» (и «возгорешася духом»), «скрижалъ плотиная⁵ сердца», «путы греха» [см. 1; 2]. Не будучи непосредственно заимствованием, подобные метафоры по своей семиотической структуре вполне традиционны, они соответствуют канонам агиологии и агиографии и поэтому приемлемы для ортодоксальных верующих.

Субкатегориальный уровень семиотики данного образа может быть определен как «Григорий Ефимович Распутин-Новый», т. е. он представляет собой попытку семиотической адаптации «исторического Распутина» применительно к агиографическому канону святости. Различные непристойные скандалы, в которых Распутин фигурировал, в итоге формируют в общественном сознании феномен «своеобразной “секс-бомбы” политического, а не только эротического характера, [который способствовал] ускорению деструктивных сексуально-революционных процессов» [5, с. 42]. Очевидно, что *такой* Распутин – сектант и развратник – святым быть не может. В связи с этим на субкатегориальном уровне семиотики реализуются две стратегии «апологетики исторического Распутина». Первая стратегия обращается к концептам конспирологического мифа, вторая – к концептам юродства.

Конспирологический миф интерпретирует скандальные, непристойные выходки Распутина как результат целенаправленного заговора «клеветников». Вообще «клевета» является интегрирующим концептом субкатегориального уровня семиотики образа Распутина. При этом конспирологический миф утверждает исключительную злобу врагов, прежде всего неких мифических «жидов», которая проявилась в «особой оклеветанности исторического Распутина» – подразумевается, что клеветали на многих святых, но не так «злобно», как на Распутина – в акафистах утверждается: «Радуйся, яко никтоже, якоже ты бе в жизни сей оклеветан», «радуйся, мучениче, от жидовския злобы оклеветанный», «радуйся, клеветы, злохуления и наветы жидовския во благословение Господне претворивый» [2] и т. д., и т. п. В квазиагиографическом дискурсе представлено дальнейшее развитие конспирологического мифа – от имени Распутина безобразия чинили «его двойники», чтобы таким образом скомпрометировать и самого «старца», и его покровителей: «Такой благочестивый человек, как Григорий Ефимович, не мог, конечно, творить всякие безобразия, которые ему приписывали. Был специальный двойник, который специально скан-

⁵ Так в оригинале. Это явно ошибка – должно быть «плотьяная», от «плоть».

далил, пил в кабаках, вел безнравственный образ жизни. А пресса это раздувала» [7]. Отметим, что мифологема о двойниках Распутина до настоящего времени не получила развития в распутинской ритуалосфере, но она ограниченно представлена в разного рода «житийных» нарративах и публицистике.

Юродство Распутина обсуждалось уже при жизни «старца». Так, по данным историка С. Л. Фирсова, протопресвитер русской армии и флота Г. И. Шавельский в своих воспоминаниях приводит интересный рассказ, что Александра Федоровна передала своей знакомой книгу «Юродивые святые русской Церкви», в которой красным карандашом императрицы были подчеркнуты слова, где говорилось, что у некоторых святых юродство проявлялось в форме половой распущенности. Вероятно, это была составленная архимандритом Алексием (Кузнецовым) работа, написанная в оправдание Распутина [14].

В текстах распутинской ритуалосферы тема юродства представлена достаточно хорошо: «Радуйся, богоблаженный юроде», «Радуйся, от неверных и лукавых рабов господина твоего величие дел твоих юродством Креста премудро сокрывый», «О, пречудный и преславный мучениче и чудотворче Григорие, крестным юродством и вольным страданием твоим наследнаго змия рода царскаго победивый» [1; 2] и т. д. Отметим, что в большинстве случаев юродство Распутина выступает, скорее, как коннотативное значение семантики его образа, нежели основное. Распутин, прежде всего, интерпретируется как мученик и чудотворец, и только потом как юродивый.

Гиперкатегориальный уровень семиотики образа Распутина отличается разноуровневым символизмом, поэтому он наиболее сложен для анализа. Основная задача данного уровня состоит во включении распутинского мифа в царебожническую семиосферу. В свою очередь интегрирующим концептом последней является символическое соотнесение царя Николая с Царем Христом, что обеспечивается семиотической трансформацией метафоры «царь земной есть икона Царя Небесного» в символ. Утверждения об «иконичности» Николая II, четко представленное в литургических и паралитургических текстах «царебожников», присутствует и в сугубо распутинской ритуалосфере, и присутствует не случайно, например: «Да уразумеют людие Российские, яко Самодержавный Царь Православный есть живой образ Христов на земли, егоже Небесный Царь царей в сослужение Ему избрати благоизволил еси» [1].

Как нам представляется, именно на гиперкатегориальном уровне семиотики образа Распутина выстраивается семиотическая цепочка «Распутин – образ царя» – «царь – образ Христа». Если Распутин почитается как «викарий русского царя», а царь есть «образ Христа», то в качестве «заместителя царя» уже сам Распутин условно становится «образом Христа». Не случайно в анализируемом акафисте представлена оригинальная парадигматическая конструкция – пострадавший за «икону Христа – царя Николая II» сам «старец» убит подобно Христу – «Радуйся, в ребра во образ Спасителява прободенный» [2]. Поэтому и убийство Распутина в монархическом дискурсе часто интерпретируется как «прообраз», т. е. «икона» «грядущего Екатеринбургского мученичества» [9]. В связи с этим формируется мифологема о «ритуальном убийстве» Распутина [11], в целом созвучная мифу о ритуальном убийстве Николая II «жидами».

В результате и Распутин, и Николай II опосредованно соотносятся с новозаветным дискурсом, что должно оттенять их «христоподражательную святость».

Вторая не менее интересная тема, раскрывающаяся на гиперкатегориальном уровне, – символическая аналогия Распутина и опричников Ивана IV, представленная в так называемом опричном акафисте Распутину. Удивительным является полное отсутствие оснований для какого-либо соотнесения образа исторического Распутина с опричниками: настолько они кажутся чуждыми и взаимоисключающими. Представляется, что причина коренится не в исторических аналогиях, но в специфике современной семиосферы маргинального православия, ориентированного на радикальный монархистский паттерн. Не случайно почитание Григория Распутина и Ивана IV Грозного критикуется иерархами Московского патриархата как родственные явления, что называется – «через запятую» (отметим, кстати, что апологетика Ивана IV осуществляется при помощи тех же механизмов – апелляция к «заговору клеветников» и юродству). Таким образом, происходит интегрирование семиосферы – представленные в ней концепты «царь – икона Христа», «царь-искупитель», «св. старец Григорий Новый», «св. царь Иван Грозный» и т. п. оказываются взаимопроникающими.

Проведенные исследования позволяют сделать вывод том, что семиотические механизмы используются адептами маргинального православия для сакрализации образа Г. Е. Распутина, обоснования его почитания в качестве святого и, таким образом, прагматически фундируют его культ. Основным же инструментом «семиотической апологетики» этого культа является метафоризация образа Распутина при помощи воспроизведения на трех основных уровнях семиосферы семантически амбивалентных метафор, делающих возможным использование различных герменевтических паттернов.

Список литературы

1. Акафист мученику Григорию Распутину-Новому, пророку и чудотворцу российскому [Электронный ресурс] // Русский монархист: сайт. – URL: <http://www.ruskmir.ru/grigorij-rasputin-akafist/> (дата обращения: 06.11.2016).
2. Акафист святому преподобномученику Григорию Новому (Распутину) [Электронный ресурс] // Стояние за истину: сайт. – URL: <http://www.zaistinu.ru/articles?aid=2288> (дата обращения: 06.11.2016).
3. Булдаков В. П. Кризисный ритм российской истории: к культурно-антропологическому переосмыслению / В. П. Булдаков // Политическая концептология: журн. мегадисциплинар. исслед. – 2015. – № 2. – С. 18–52.
4. Варфоломеев Ю. В. Г. Е. Распутин и «распутиниада» в судьбе России начала XX века (по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства) / Ю. В. Варфоломеев // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. История. Междунар. отношения. – 2011. – Т. 11, № 2-2. – С. 34–40.
5. Викторов Э. Сексуально-революционные тенденции в российском обществе 1861–1917 гг. / Э. Викторов // Вопр. культурологии. – 2008. – № 2. – С. 39–43.
6. Головушкин Д. А. Религиозный фундаментализм/религиозный модернизм: концептуальные противники или амбивалентные феномены? / Д. А. Головушкин // Вестн. Православ. Св.-Тихон. гуманит. ун-та. Сер. 1, Богословие. Философия. – 2015. – № 1(57). – С. 87–97.

7. Как действовали двойники Григория Распутина [Электронный ресурс] // Русский монархист : сайт. – URL: <http://www.ruskmir.ru/2013/11/rasputin-grigorij-ego-vragi-byli-vragi-russkoj-monarhii/> (дата обращения: 06.11.2016).

8. Константин (Горянов), архиеп. Взаимодействие Государственной Думы и Русской Православной Церкви // Мир человека. – 2008. – № 4. – С. 60–81.

9. Крылов П. В. Обретение исторического слуха: парадигмы изучения неофициальной памяти [Электронный ресурс] / П. В. Крылов // Нов. лит. обозрение. – 2005. – № 74. – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/74/kry27.html> (дата обращения: 06.11.2016).

10. Куликов С. «Наш Друг сказал...» / С. Куликов // Родина. – 2005. – № 3. – С. 52–56.

11. Миронова Т. Л. Из-под лжи. Государь Николай II. Григорий Распутин / Т. Л. Миронова. – Краснодар : Сов. Кубань, 2004. – 176 с.

12. Неделько Н. Ф. Конец «святого старца» (судебно-медицинские аспекты смерти Г. Распутина) / Н. Ф. Неделько // Сиб. мед. журн. – 2006. – Т. 66, № 8. – С. 99–106.

13. Ротач Н. С. Старчество и младостарчество: проблемы религиозного фундаментализма и неопитства в современном православии / Н. С. Ротач // Baikal Research Journal. – 2011. – № 6. – С. 80–85.

14. Фирсов С. Л. Псевдоправославная мифология в России (к постановке проблемы) / С. Л. Фирсов // Ежегод. богослов. конф. Православ. Свято-Тихонов. гуманит. ун-та. – 2007. – Т. 1, № 17. – С. 313–320.

15. Царь Иван Васильевич: Грозный или святой. – М. : Издат. совет РПЦ, 2003. – 34 с.

Categorial Semiotics of the Image of «Holy Elder Grigori Novyi»

A. M. Prilutskii

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg

Abstract. The article gives the analysis of the structure of a semiotic image of Grigori Rasputin in the context of the contemporary religious culture. In spite of strong criticism from the Orthodox bishops Rasputin remains to be an iconic figure for fringe trends within Orthodoxy today. The author identifies three levels of categorial semiotics of Rasputin's image – categorial, sub-categorial, and hyper-categorial. On the categorial level the basic components forming the concept of the sanctity of Rasputin are formed enabling his adherers to associate him with various canonic ranks of sanctity. This level is characterized by exaggerated semantic and stylistic traditionalism. The sub-categorial level serves to adapt “historical Rasputin” to the ideal of holiness. The hyper-categorial level introduces Rasputin's myth into general monarchical and quasi-biblical discourses.

Keywords: Grigori Rasputin, marginal trends in Orthodoxy, hagiography, categorial semiotics, semiotic mimicry.

Прилуцкий Александр Михайлович
доктор философских наук, профессор
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
191186, г. Санкт-Петербург, наб. Реки
Мойки, д. 48
тел.: 8(812)3123640
e-mail: alpril@mail.ru

Prilutskii Aleksander Mikhailovich
Doctor of Sciences (Philosophy), Professor
Herzen State Pedagogical University
of Russia
48, Moyka embankment, St. Petersburg,
191186
tel.: 8(812)3123640
e-mail: alpril@mail.ru